

УДК 343

Н. А. Швед

кандидат юридических наук

Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка

Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: nadezhdas@tut.by

ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье исследуются актуальные вопросы, касающиеся возможностей уголовно-правовой охраны ребенка до его рождения в контексте современной уголовной политики. Проанализированы различные подходы к определению момента начала уголовно-правовой охраны жизни человека. Отмечена необходимость совершенствования уголовного законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: уголовная политика, гуманизация, уголовно-правовая охрана жизни, право на жизнь, эмбрион, прерывание беременности, начало жизни.

Тенденцией современной уголовной политики становится процесс гуманизации. Принцип гуманизма означает человеколюбие, выражающееся во всемерной охране общества и каждого человека от преступных посягательств, а также в человеческом отношении к лицам, совершившим преступления. Суть гуманизма – гуманное отношение к человеку как к самому ценному правоохраняемому благу. В последнее время особую актуальность приобрел вопрос определения границ человеческой жизни с точки зрения охраны основных прав и свобод, защиты общечеловеческих ценностей, ставших для законодателей многих государств нравственным ориентиром.

Актуальным в этих условиях является исследование конкретных правовых проблем современной уголовной политики в области уголовно-правовой охраны ребенка до его рождения. Научные исследования по данной проблеме получили достаточно широкое распространение в Российской Федерации и относились к сфере интересов таких авторов, как А. В. Лунева, О. В. Лукичев, М. М. Минаева, Е. В. Толстая, Н. Ш. Козаев, А. Н. Попов, Н. Е. Крылова и многих других. Отечественные авторы непосредственно обозначенную тему не исследовали, однако в работах Н. А. Бабия, Ю. Ф. Машталера можно найти отдельные аспекты, относящиеся к затронутой нами теме.

Между тем роль уголовного права в вопросах регулирования отношений, возникающих в связи с современными достижениями в области биологии и медицины, касающимися внутриутробного развития ребенка, может быть высока. Можно констатировать, что уголовная ответственность является одной из гарантий реализации прав нерожденного человека. Уголовным законом беременная женщина, с одной стороны, защищается как потенциальная жертва преступления, а с другой – находится в более привилегированном положении как субъект преступления.

Так, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) косвенно защищает жизнь нерожденного ребенка путем выделения в ряде статей в качестве квалифицирующего

признака совершение преступления в отношении беременной женщины. Так, например, в отношении убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, С. В. Бородин писал, что виновный, причиняя смерть беременной женщине, посягает фактически на две жизни – на жизнь потерпевшей и на жизнь будущего человека [1, с. 136].

Правовые гарантии защиты нерожденного ребенка прослеживаются и в других статьях УК. Так, например, в ст. ст. 49, 52, 53, 54, 55 установлен запрет применения к беременным женщинам определенных видов наказания; беременность является одним из смягчающих наказание обстоятельств (п. 10 ч. 1 ст. 63); беременной женщине может быть предоставлена отсрочка от отбывания наказания (ст. 93); установлена ответственность за убийство ребенка во время родов (ст. 140).

Косвенно подтверждается признание государством ценности жизни детей до рождения предоставлением беременным женщинам дополнительной государственной поддержки (например, гарантии при осуществлении трудовых правоотношений, социальные выплаты, медицинское обслуживание и т. п.).

Следует отметить, что в современном уголовном праве не предусмотрено специальных норм, которые бы непосредственно защищали жизнь ребенка в процессе его внутриутробного развития. В случае насильственного прерывания беременности действия виновного лица квалифицируются в зависимости от формы вины: умысел или неосторожность, по ст. 147 или ст. 155 УК соответственно, т. е. как причинение тяжкого вреда здоровью будущей матери. Потерпевшей в этом случае будет являться женщина, находящаяся в состоянии беременности, а не плод. Таким образом, уголовное право в настоящее время исходит из того, что пока ребенок находится в утробе матери, он является частью ее организма, и причинение ему вреда признается причинением вреда здоровью беременной женщины.

Особую актуальность вопрос о начале уголовно-правовой охраны жизни человека приобретает при исследовании жизни как объекта уголовно-правовой охраны. В первую очередь следует различать понятия «жизнь как биологический процесс» и «жизнь как объект уголовно-правовой охраны». О начале жизни как биологического процесса в последнее время говорят с момента зачатия или с несколько более позднего периода, когда органы человеческого зародыша полностью сформировались. Вместе с тем жизнь как объект уголовно-правовой охраны не совпадает с биологическим подходом. Вопрос о ее начале является дискуссионным.

Превалирующей является точка зрения, согласно которой право ребенка на жизнь возникает с момента начала его рождения [2, с. 5; 3, с. 98; 4, с. 89]. В этой связи, по мнению авторов, гранью между абортom и убийством является начало родовых схваток и умерщвление ребенка уже в этот период (когда он находился еще в утробе матери), должно считаться убийством. Высказывается также точка зрения, согласно которой жизнь человека находится под охраной уголовного закона с момента начала родовых схваток при беременности свыше 22 недель, когда плод уже способен ко внеутробной жизни [5, с. 295]. Схожей позиции придерживается и М. В. Радченко, также обосновывающая положение о том, что человеческая жизнь начинается до рождения, однако уточняя при этом, что уголовно-правовая охрана жизни должна начинаться с момента, когда существует реальная, допускаемая определенным уровнем развития медицинских технологий, возможность роста и развития такого «продукта зачатия» вне материнского лона. Это возможно при сроке беременности свыше 22 недель, полагает названный автор [6, с. 19].

Некоторые ученые начало жизни связывают с появлением из организма роженицы какой-либо части тела ребенка [7, с. 11]. При этом ряд авторов считают необходимым также наличие того или иного признака жизнедеятельности: дыхания, сердцебиения, движения мускулатуры [8, с. 16]. На наш взгляд, ошибочно связывать начало уголовно-правовой охраны жизни со вторым периодом родов, так как это сужает толкование уголовного закона

и возможность реализации права на жизнь рождающегося ребенка в контексте ст. 140 УК. Как справедливо отмечает Э. Л. Сидоренко, уголовное право интересуется начальным моментом правовой охраны права на жизнь, а не само по себе начало жизни [9, с. 122].

В последнее время приобретает популярность точка зрения, согласно которой охрана человеческой жизни, в том числе и уголовно-правовыми средствами, должна начинаться с момента зачатия [10, с. 10, 18; 11, с. 49, 51]. О необходимости смещения рамок начала предоставления уголовно-правовой охраны жизни высказывались и другие ученые.

Указанный тезис, несомненно, заслуживает внимания, однако вступает в противоречие с действующим законодательством, и в первую очередь с законодательством о здравоохранении. Так, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении) женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности (аборт) проводится по согласию женщины в организациях здравоохранения при сроке беременности не более 12 недель. Законом также предусмотрена возможность проведения искусственного прерывания беременности при наличии социальных показаний и согласия женщины при сроке беременности не более 22 недель. При наличии медицинских показаний и согласия женщины искусственное прерывание беременности проводится независимо от срока беременности в государственных организациях здравоохранения. Таким образом, законом установлена презумпция самостоятельности принятия женщиной решения о сохранении или прерывании своей беременности.

В современном мире допустимость абортов и ее пределы – одна из наиболее дискуссионных проблем, включающих религиозные, этические, медицинские, социальные и правовые аспекты. Во многом это обосновывается, прежде всего, возникающим конфликтом интересов матери и еще нерожденного ребенка, который на современном этапе развития законодательства о здравоохранении всегда решается в пользу женщины. Однако право женщины на свободу репродуктивного выбора дискретно и коррелирует со сроком внутриутробного развития плода, отмечают ученые. Оно постепенно уменьшается по мере развития беременности и после 22 недели беременности нивелирует вовсе. С этого срока существует приоритет права будущего ребенка [6, с. 10; 12, с. 238].

В настоящее время мировая практика и законодательство Республики Беларусь предусматривают медицинские, медико-генетические и социальные показания для искусственного прерывания беременности.

Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности представляется достаточно определенным (утвержден постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 декабря 2014 г. № 88 «Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 ноября 2007 г. № 105»). Подобные показания в первую очередь направлены на сохранение жизни и здоровья матери и ребенка и призваны способствовать рождаемости здорового населения. Со стороны матери к ним, например, относятся: туберкулез (все активные формы), краснуха, вирусный гепатит, злокачественные новообразования, требующие проведения химиотерапии или лучевой терапии и др. К медицинским показаниям со стороны плода относят, например, нарушения обмена веществ, врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения у плода, установленные пренатально, с неблагоприятным прогнозом для жизни, не имеющие эффективного лечения и (или) сопровождающиеся умственной отсталостью и др.

Показанием к искусственному прерыванию беременности по медико-генетическим показаниям является установление у плода: порока, несовместимого с жизнью или некорригирующегося присутствующим уровнем оказания медицинской помощи; хромосомной

болезни или нехромосомных синдромов, сопровождающихся умственной отсталостью; наследственных нарушений обмена веществ; X-сцепленных заболеваний у плода мужского пола (приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 23 декабря 2004 г. № 288 «О мерах по совершенствованию акушерско-гинекологической службы Республики Беларусь»).

Согласно ч. 8 ст. 27 Закона о здравоохранении при наличии социальных показаний и согласия женщины проведение искусственного прерывания беременности допускается при сроке беременности не более 22 недель в государственных организациях здравоохранения.

К социальным показателям относят наличие решения суда о лишении родительских прав и беременность, наступившую в результате изнасилования (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 2008 г. № 1580 «Об установлении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902»). Ранее перечень социальных показателей был более широк и включал в себя наличие инвалидности, пребывание в местах лишения свободы, расторжение брака во время беременности, наличие в семье ребенка-инвалида, многодетность, наличие у женщины статуса беженца, а также признание женщины или ее мужа в установленном порядке безработными во время беременности женщины. Следует отметить, что указанные социальные показатели весьма условны и в их рамки вписывалась значительная часть среднестатистических семей. Поэтому сужение рассматриваемого перечня до двух позиций представляется определенным шагом государства по защите права на жизнь нерожденного ребенка.

Следует обратить внимание, что Законом о здравоохранении установлено, что на сроке свыше 22 недель беременности при наличии у женщин заболевания, угрожающего ее жизни, производится досрочное родоразрешение.

Отсюда можно сделать вывод о том, что, до указанного в ст. 27 Закона о здравоохранении времени, жизнь плода самостоятельной правовой охране не подлежит, и наличие у него возможности родиться во многом зависит от волеизъявления его матери. Законодательство о здравоохранении, таким образом, фактически закрепляет право на жизнь ребенка приблизительно с пятого месяца беременности женщины.

С. С. Шевчук по этому поводу высказал мнение, что такая позиция законодателя свидетельствует о том, что он относится к внутриутробному плоду с определенного срока его развития не просто как к физиологической части женского организма, которой она распоряжается самостоятельно, а как к особому рода существу, имеющему право на жизнь [13, с. 37]. Таким образом, правовые проблемы, связанные с охраной жизни нерожденного ребенка, искусственным прерыванием беременности, требуют комплексного решения. Они взаимосвязаны с отсутствием в отечественном законодательстве правового статуса эмбриона, порождая поиск разумного соотношения конкурирующих прав женщины и неродившегося ребенка.

Действующий Закон Республики Беларусь от 7 июля 2012 г. «О вспомогательных репродуктивных технологиях» направлен, в первую очередь, на определение правовых и организационных основ применения вспомогательных репродуктивных технологий и обеспечение прав граждан при их применении. В статье 1 названного Закона дано определение эмбриона как ранней стадии развития живого организма, однако детальная регламентация правового статуса эмбриона отсутствует.

На наш взгляд, проблема уголовно-правового регулирования внутриутробного развития представляет собой сложное явление, в котором можно выделить несколько аспектов. Прежде всего, принципиальное значение имеет защита эмбриона на ранних сроках беременности. Развитие вспомогательных репродуктивных и иных медицинских технологий, в том числе по клонированию человека и клеточной терапии, привело к тому, что появились новые отношения, объектом которых прямо или косвенно выступает эмбрион человека. Следует

отметить очевидное отставание в правовом регулировании этих общественных отношений в Республике Беларусь. Развитие новых биотехнологий, методов пренатальной диагностики и медицины привело к широкому распространению исследований на человеческих эмбрионах и поставило перед наукой ряд этико-правовых вопросов, таких как определение пределов реализации репродуктивных прав человека, выявление правомерности использования человеческих эмбрионов для научно-исследовательских и терапевтических целей, установление должной охраны жизнеспособного плода, статус которого максимально приближен к статусу родившегося человека. Законодательно признавая эмбриона ранним периодом биологической жизни человека, следует позаботиться и о гарантиях его защиты.

Между тем, как отмечает А. В. Малешина, определение статуса человеческого плода, в том числе на ранней, эмбриональной, стадии развития, необходимо в первую очередь для ответа на вопрос о том, как следует к нему относиться, и какого рода защиту предоставлять, каковы должны быть ее рамки: нужно ли уравнивать жизнь и целостность эмбриона, плода и родившегося человека или же рассматривать первые как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны? [14].

Действительно, предоставление равной уголовно-правовой охраны эмбриону, плоду и родившемуся человеку неизбежно ставит вопрос о правовом статусе искусственного прерывания беременности и его разграничении с убийством. Как известно, при отграничении аборта от детоубийства решающее значение традиционно имеет именно момент начала жизни. Перенос этого момента на зачатие или ранние сроки беременности автоматически превращает любой аборт в убийство. И в этой связи конфликт интересов матери и плода представляется трудноразрешимым. Действующее законодательство не возлагает на женщину обязанность вынашивания плода при каждой беременности и не предусматривает санкций за репродуктивную свободу выбора. Право самостоятельно решать вопрос о материнстве относят к субъективным правам женщины. Поэтому признание за плодом права на сохранение своей целостности в течение необходимого срока внутриутробного развития автоматически лишает женщину права на прерывание беременности или существенно ограничивает это право даже на самых ранних сроках. Между тем на практике в случае конфликта жизненных интересов, как отмечается, приоритет все же отдается женщине, его вынашивающей.

В этой связи Л. А. Лозанович отмечает, что соблюсти права как женщины, так и ее нерожденного ребенка одновременно не возможно. Взаимозависимость здесь проявляется в том, что если женщина реализует свое право на искусственное прерывание беременности, то нивелируется право на жизнь зачатого плода, а если признать право на внутриутробную жизнь как неотъемлемую часть права на жизнь вообще, то будут ограничены права женщины [15, с. 32].

М. Киселева верно отметила по этому поводу, что дискуссии о моменте начала жизни, с точки зрения уголовного права, фактически являются спором о том, какой должна быть степень ответственности за посягательство на жизнь человека в разных стадиях ее развития (эмбрион–плод–ребенок) [16, с. 55].

Проблема предоставления плоду человека повышенной охраны активно обсуждается и решается в зарубежных государствах. Защита жизни человека еще до появления его на свет является свидетельством ее приоритетности и важности. Отсутствие норм, направленных на защиту, в первую очередь, жизнеспособного плода, является существенным пробелом современного отечественного законодательства.

В настоящее время законодательство многих зарубежных государств положительно решает вопрос о признании плода (эмбриона) человека самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны: либо прямо – путем создания специальных норм, либо косвенно – при установлении уголовной ответственности за незаконное прерывание беременности, учитывая в качестве объекта посягательства не только жизнь и здоровье женщины, но и жизнь плода.

Следует отметить, что прерывание беременности при наличии тех или иных условий криминализировано во многих УК. Так, ряд стран установили ответственность за прерывание беременности без согласия женщины (Япония, Турция, Корея, Бельгия, Франция, Австрия, Сербия). Во многих странах необходимым условием проведения процедуры прерывания беременности является не только срок (как правило, до 12 недель, в Турции – до 10), но и наличие специального врачебного заключения, иногда даже заключения консилиума врачей, подтверждающего медицинские основания либо наличие иных условий, при которых проведение этой операции допустимо. В противных случаях деяние признается уголовно наказуемым. Такого подхода придерживаются Израиль, Швейцария, Норвегия, Бельгия, ФРГ, Австрия и др.

Помимо указанного, в некоторых странах криминализированы также подстрекательство к совершению аборта (Турция, ФРГ) либо добывание (предоставление) необходимых средств для прерывания беременности (Турция, Франция), прерывание беременности в результате насильственных действий (Бельгия, Турция), сбыт средств и медикаментов для прерывания беременности (ФРГ) и некоторые другие.

Анализ уголовного законодательства зарубежных стран показал, что в ряде государств право на жизнь еще нерожденного ребенка охраняется посредством введения уголовной ответственности за самоаборт (прерывание беременности или допущение этого самой женщиной). Такой запрет установлен в УК Аргентины, Австрии, Испании, Кореи, ФРГ, Швейцарии, Японии и некоторых других государств. Таким образом, законодатели этих стран признают нерожденного ребенка человеческим существом, подлежащим самостоятельной защите.

В связи с этим в юридической литературе предлагается внести в уголовный закон изменения, направленные на установление уголовной ответственности за умерщвление жизнеспособного плода человека. Так, С. В. Тасаков обосновывал суждение, что жизнь эмбриона может стать самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны при условии введения в Уголовный кодекс соответствующей нормы об охране жизни эмбриона [17, с. 27]. О необходимости установления уголовно-правовой охраны жизни эмбриона (плода) человека высказывалась и Н. Е. Крылова. Так, в частности, она предлагала установить уголовную ответственность за следующие посягательства на эмбрион (плод) человека: 1) создание эмбрионов в экспериментальных целях, не связанных с преодолением бесплодия; 2) проведение опытов на эмбрионе или исследований с ним, не связанных с лечением, способных причинить ему вред (за исключением ультразвуковых исследований); 3) разрушение эмбриона (плода) с целью трансплантации отдельных органов, тканей или клеток; 4) использование фетальных тканей в корыстных целях, а также их купля-продажа; 5) селекция эмбрионов, за исключением случаев, когда она преследует цель преодоления болезней, сцепленных с полом ребенка [18, с. 12].

Принимая во внимание тот факт, что в Республике Беларусь нет законодательно закрепленного запрета на осуществление аборт, необходимо отметить, что в перспективе ближайшего будущего проведение реформирования уголовного законодательства в части, касающейся охраны жизни и здоровья эмбриона, в полной мере не представляется возможным. В условиях легализации абортов уголовно-правовая охрана эмбриона не может быть абсолютной. Во многом это обосновывается, прежде всего, возникающим конфликтом интересов матери и еще нерожденного ребенка, который на современном этапе развития законодательства о здравоохранении всегда решается в пользу женщины. Во всяком случае, на сроке беременности до 12 недель женщине предоставляется полная свобода выбора: оставлять уже существующего ребенка в живых или нет.

Таким образом, следует отметить нарастающий интерес и широкое обсуждение проблем правового регулирования начала жизни, статуса эмбриона человека и других вопросов, проводимое в мире в последние годы. Все это свидетельствует о сложности и противо-

речивости данного вопроса и необходимости дальнейшего его комплексного исследования не только в рамках уголовного права, но и с учетом современных достижений биологии, медицины и других наук.

Подводя итог сказанному, отметим, что ввиду значимости человеческой жизни и последних достижений науки на пути ее сохранения, обеспечения, воспроизводства требуется подвергнуть серьезному пересмотру имеющиеся уголовно-правовые средства, в первую очередь в плане смещения рамок начала предоставления уголовно-правовой охраны жизни. Помимо этого, основания для установления такой уголовно-правовой охраны должны быть закреплены в законодательстве о здравоохранении, где также требуется серьезная проработка вопросов, связанных с определением правового статуса эмбрионов, детализация правового регулирования проводимых исследований и манипуляций с (над) эмбрионами.

Список использованных источников

1. Бородин, С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 467 с.
2. Бабий, Н. А. Преступления против жизни : алгоритмы квалификации / Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2009. – 186 с.
3. Лунева, А. В. Уголовная ответственность за детоубийство : проблемы теории и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Лунева. – М., 2013. – 196 л.
4. Загородников, Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н. И. Загородников. – М. : Госюриздат, 1961. – 278 с.
5. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
6. Радченко, М. В. Ненадлежащее врачевание в репродуктивной сфере: уголовно-правовой аспект : автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / М. В. Радченко. – Екатеринбург, 2002. – С. 19.
7. Лукичев, О. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. В. Лукичев; С.-Петербург. Акад. МВД России. – СПб., 1997. – 23 с.
8. Мурзина, Л. И. Убийство матерью новорожденного ребенка : уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. И. Мурзина; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2009. – 21 с.
9. Сидоренко, Э. Л. Обеспечение права ребенка на жизнь в современном уголовном законодательстве России / Э. Л. Сидоренко // Совершенствование уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и криминологических мер борьбы с преступностью : сб. ст. / Акад. упр. МВД России; редкол. : В. Ф. Цепелев [и др.]. – Вологда, 2008. – С. 119–126.
10. Попов, А. Н. Умышленные преступления против жизни : проблемы законодательной регламентации и квалификации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. Н. Попов. – М., 2003. – 50 с.
11. Козаев, Н. Ш. Вопросы уголовно-правовой охраны жизни в свете современных достижений научно-технического прогресса / Н. Ш. Козаев // Мед. право. – 2014. – № 2. – С. 49–52.
12. Бабаджанов, И. Х. Жизнь и смерть человека как институционально-правовые категории (теоретико-аксиологический и частно-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01; 12.00.03 / И. Х. Бабаджанов. – Душанбе, 2014. – 369 л.
13. Шевчук, С. С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции / С. С. Шевчук // Мед. право. – 2003. – № 1. – С. 37–41.
14. Малешина, А. В. Перспективы и возможности уголовно-правовой охраны «будущей жизни» (сравнительно-правовой анализ) [Электронный ресурс] / А. В. Малешина // Консультант Плюс. Технология 3000 [Электронный ресурс]. – М., 2017.
15. Лозанович, Л. А. Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Л. А. Лозанович. – Ставрополь, 2004. – 192 л.
16. Киселева, М. Посягательство на жизнь эмбриона / М. Киселева // Законность. – 2010. – № 1. – С. 53–55.

17. Тасаков, С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С. В. Тасаков. – Екатеринбург, 2010. – 51 с.

18. Крылова, Н. Е. Уголовное право и биоэтика : уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н. Е. Крылова. – М., 2006. – 54 с.

Дата поступления: 29.03.2017

N. A. Shved

Candidate of Juridical Sciences

SPC of Problems of Law and Order Strengthening of the Office

of Prosecutor General of the Republic of Belarus

Minsk, Belarus

**PROSPECTS OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF UNBORN CHILDREN
IN ACCORDANCE WITH THE MODERN CRIMINAL LAW POLICY**

Topical issues of possibilities of criminal law protection of a child before birth in accordance with the modern criminal policy are studied in the article. Different approaches to the determination of the moment of beginning of criminal law protection of human life are analyzed. The necessity of improvement of criminal law in this field is pointed out.

Keywords: criminal policy, humanization, criminal and legal protection of life, right to life, embryo, abortion, the life beginning.